20 6/9

2006259489

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

2396-08

СЛОВО,

произнесенное въ Іерусалимѣ на св. Голгоѳѣ 6 апрѣля 1884 г. въ Великій Пятокъ вечеромъ, при обношеніи плащаницы.

И со беззаконными вмѣнися.

Когда правитель Іудеи, Пилатъ, недовольный молчаніемъ на судебномъ допросѣ въ преторіѣ *Іисуса, глаголемаго Христа*, надменно говорилъ ему: *мнѣ ли не глаголеши? Не вѣси ли, яко власть имамъ распяти Тя, и власть имамъ пустити Тя?* (Іоан. 19, 11), подсудимый отвѣчалъ: *не имаши власти ни единыя на Мнѣ, аще не бы ти дано свыше* (— — 12). Въ силу сего велѣнія *свыше*, Пилатъ, хотя и убѣжденный въ невинности выданнаго ему іудеями за преступника, осудилъ его на смерть, помиловавъ, въ силу упомянутой выше *власти*, вмѣсто него, разбойника. Началось такимъ образомъ исполняться предсказаніе Господа нашего (Лук. 22, 37) о томъ, что на немъ сбудется пророческое: *и со беззаконными вмѣнися* (Ис. 53, 12). Но при первомъ же случаѣ сего вмѣненія оказалось, что Онъ беззаконнѣе самаго разбойника. Какъ могла—помимо Пилатова рѣшенія—выдти такая несправедливость? Въ свое время объяснилъ это еще великій Іоаннъ Предтеча, назвавъ будущаго совмѣстника Вараввы *агнцемъ Божіимъ, вземлющимъ грѣхи міра* (Іоан. 1, 29), и слѣдовательно виновнымъ безъ помилованія. И точно, когда сей жертвенный Агнецъ предстоялъ въ узахъ суду Пилата, онъ былъ уже нерѣшимо связанъ карательнымъ приговоромъ другаго

М.Г.М.

неумолимаго судилища, по которому не тотъ, такъ другой, разбойникъ долженъ былъ, въ самый рѣшительный моментъ его дѣла на землѣ, оттѣнить его своимъ именемъ, лицемъ и наказаніемъ... для чего? Для того, чтобы всѣ видѣли, и чтобы самъ онъ возчувствовалъ, насколько онъ виновенъ... *Жестоко слово сіе!* По примѣру іудеевъ (6, 60) можетъ кто-нибудь сказать и теперь. Что за судъ, и что за правда—да еще Божія,—по которымъ неповинный наказывается за вины другихъ? Въ отвѣтъ на это припомнимъ, любомудрые—паче же богомудрые—слушатели, простое, но рѣшительное выраженіе св. Бытописателя: *и помысли Богъ, яко сотвори человѣка, и размысли* (Быт. 6, 6), т.-е. р а с к а я л с я. За раскаяніемъ, какъ это мы на себѣ испытываемъ ежечасно, слѣдуетъ самоосужденіе, переходящее въ наиболѣе чувствительный къ своему долгу душѣ въ самонаказаніе. Не распространяясь много, скажемъ, что высокое, какого мы—твари—и представить себѣ, не можемъ, услажденіе Творческое, при видѣ живаго, смысленнаго и свободно дѣйствующаго, тоже какъбы творящаго, существа, созданнаго въ образъ и подобіе Бога, оказавшееся—дерзнемъ сказать—неоправдавшею себя до времени попыткой, повлекшею за собою цѣлый рядъ мѣропріятій, употреблявшихся въ теченіе не одной тысячи лѣтъ, и составившихъ такъ-называемый Ветхій завѣтъ,—неминуемо привело впослѣдокъ дній Сына Божія на сіе, роковое уже однимъ своимъ именемъ, *Лобное* мѣсто казни. А *да сбудется писанное пророки* о вчиненіи Его *съ беззаконными*, вмѣстѣ съ Нимъ сюда же приведены были и двое таковыхъ, и опять—разбойники! И Его и ихъ постигла одна и таже безчестная казнь рабовъ—крестъ.

Перейдемъ мысленно къ сему ужасающему зрѣлищу людей прибитыхъ къ древамъ на медленную смерть. Предположительно въ то время, когда, съ обвечерѣніемъ на вѣки незабвеннаго дня, тутъ все уже начинало стихать,—и шумъ праздной толпы, и посмѣвательные крики *мимоходящихъ* и споры *воиновъ*, дѣлившихъ одежды распятыхъ,

и безутѣшный плачъ близкихъ несчастливцамъ душъ,—открывается странное, и какъбы вовсе неожиданное обстоятельство — переговоръ между собою самихъ распятыхъ. Блазненный ли примѣръ мимоходящихъ хулителей, а за ними и безсердечныхъ воиновъ, или вѣрнѣе собственное, заматорѣвшее во злѣ сердце побуждаютъ одного изъ «злодѣевъ» заговорить съ такимъ же, какъ онъ, осужденникомъ: *аще Ты Христосъ, спаси себе и наю* (Лук. 23, 39), говоритъ онъ. Ни сознанія своей виновности, ни преклоненія передъ правосудіемъ, ни страха предъ Богомъ, ни стыда предъ людьми—ничего въ рѣчи сей не видно у человѣка, кончающаго жизнь. Весь помыслъ его средоточится на желаніи ж и т ь (и можетъ быть продолжать свои злодѣйства), такъ, какъ бы за предѣлами сей жизни для него не было ничего. Что-то знакомое нашему времени какъ будто слышится въ подобной безсознательной исповѣди, братія. Но не будемъ упреждать себя. Слова его не вызываютъ отвѣта у Того, къ Кому обращены. Хотя условно, но явно, отвергаемый ими, Христосъ и прежде, во всей силѣ и славѣ богознаменаннаго чудотворца, на подобные зазывы отвѣчалъ: *роде невѣрный и развращенный! Доколѣ буду съ вами? Доколѣ терплю вамъ?* (Мат. 17, 17). Теперь, въ минуты уже наступившаго разлученія съ *родомъ*, въ теченіе дня успѣвшимъ выказать себя еще съ худшихъ сторонъ, еще менѣе могло быть у Него Божественнаго терпѣнія. Онъ однако молчалъ. Но за Него отвѣтилъ третій общникъ казни, такъ странно совпавшей съ навечеріемъ величайшаго изъ праздниковъ іудейскихъ, и тоже разбойникъ, за свой отвѣтъ стяжавшій имя «благоразумнаго». *Ни ли ты боишися Бога*, сказалъ онъ укорительно товарищу.

Сообщивъ въ главныхъ чертахъ то, что намъ передано Евангеліемъ о разговорѣ невольныхъ соучастниковъ Христова здѣсь страданія, мы спѣшимъ объясниться. Да не подумаетъ кто, что мы отъ суетнаго праздномыслія ищемъ на св. Голгоѳѣ того, что ей, какъ *святой*, и не принадле-

жало бы вовсе,—еще двухъ, никому ненужныхъ, крестовъ. Не одинъ у насъ есть поводъ заняться казненными тутъ когда-то разбойниками, хотя бы то въ ущербъ, повидимому, главному, и самому естественному, чувству нашему здѣсь,— сокрушенію и плачу грѣшнаго сердца. Къ тому, что нами сказано о исповѣданной самимъ Христомъ необходимости *и со беззаконными вмѣниться* Ему, мы прибавимъ, что Божественная правда, возложившая вину *всѣхъ* на *одного*, и требовавшая соотвѣтственнаго таковой винѣ и наказанія его, неумолимо ставила его, не только праведника, но и первообразъ всякой правды на землѣ, въ рядъ послѣднихъ неправедниковъ — разбойниковъ, уравнивъ его съ ними, осудивъ и его на смерть, такую же позорную, такую же, насколько возможно, мучительную и страшную, и въ то же время по формѣ законную, правосудную, какъ-бы вполнѣ заслуженную, и оттого никѣмъ не жалѣемую и отъ всѣхъ проклинаемую, какою и должна быть естественно кара разбойника, не жалѣвшаго никого! Въ самомъ дѣлѣ, не будь тутъ въ ужасный день оный крестовъ разбойничьихъ, общее вниманіе средоточилось бы на казни одного *Іисуса Назарянина*, обвиненнаго въ притязаніи на царство. Вина, какъ мы теперь выражаемся, — чисто политическаго характера, способная возбуждать разныя мнѣнія, ощущенія и заключенія, въ большинствѣ можетъ-быть даже сочувственныя потерпѣвшему неудачу. Истинная же виновность Его, по взгляду законниковъ, т.-е. выдаваніе имъ себя за Сына Божія, и слѣдовательно б о г о х у л ь с т в о, не была заявлена официально на мѣстѣ казни, и хотя, подъ наущеніемъ придумавшихъ ее, безъ сомнѣнія была извѣстна множеству, но и она давала поводъ къ неодинаковымъ взглядамъ на дѣло такого тонкаго богословскаго смысла, весьма естественнымъ при распространенныхъ тогда въ народѣ разныхъ сектантскихъ ученіяхъ, и скорѣе заставляла видѣть въ распятомъ «пророкѣ изъ Галилеи» непонятаго учителя (равви), чѣмъ преступника. А то ли нужно было для Голгоѳы? Нѣтъ, требовалось, что-

бы Тотъ, на кого судебно падала, не имъ пролитая *кровь* всѣхъ *праведниковъ—отъ Авеля до Захаріи, сына Варахіина*, страдая и умирая, не находилъ ни въ комъ себѣ сочувствія и соболѣзнованія, чтобы, такъ сказать, для своего собственнаго сознанія сдѣлался виновнымъ, упалъ духомъ, потерялъ вѣру въ себя, и, всѣми оставленный, поруганный, истерзанный, еще неотстранимо видѣлъ передъ собою звѣрскія лица злодѣевъ, отъ которыхъ не могъ уклонить своего взора ни направо ни налѣво. Эта, жестокая въ высшемъ смыслѣ слова, обстановка умиравшаго долженствовала быть вѣнцемъ Его искупительныхъ мукъ, и ею только можно объяснить Его, человѣчески выражаясь, отчаянное взываніе на крестѣ: *Боже мой! Боже мой! Вскую мя еси оставилъ!*

Послѣ сего отступленія возвратимся къ избранному нами предмету. Если бы, зрѣвшіеся тутъ когда-то по сторонамъ креста Христова, осужденники находились здѣсь только для пополненія, какъ говорится, сцены, висѣли, терзались, умерли, никому ненужные и никѣмъ незамѣченные, намъ, кромѣ сказаннаго выше, не представлялось бы больше повода говорить о нихъ. Но они какъ бы напрашиваются на слово о себѣ, вписавъ свое безславное имя въ преславное событіе Голгоѳское неизгладимыми чертами, и сдѣлавшись какъ бы своими христіанству. Ни—кто́ они были, ни—что́ они сдѣлали, Евангелисты не сообщаютъ намъ. Удостоившійся помилованія, сковникъ ихъ *Варавва* обвинялся въ крамолѣ и предумышленномъ убійствѣ. Они, непомилованные, конечно несли на себѣ не менѣе тяжкія вины. По собственному признанію одного изъ нихъ, постигшая ихъ казнь была *достойнымъ* возмездіемъ *дѣлъ* ихъ. Іудеи вѣрою и воспитаніемъ, они конечно знали о единомъ Богѣ, творцѣ, промыслителѣ и мздовоздаятелѣ, но, по заглушенной ими развращенной совѣсти, иное думали и иное дѣлали, и дошли до того, что перестали, какъ это часто бываетъ, помышлять совсѣмъ о Богѣ, о Его законѣ, о Его судѣ, о Его вездѣприсут-

ствіи... словомъ: обо всемъ, что̀ выходило за предѣлы ихъ житейскихъ потребностей,—затѣмъ, естественно, попали въ руки правосудія, и приговорены были къ смерти. Вися на древѣ, и видя неминуемый исходъ свой, они, какъ люди, могли одуматься и раскаяться въ своихъ злодѣйствахъ, но—къ чему? думаетъ одинъ изъ нихъ. Вѣдь, все равно, придется умереть. Другое дѣло,—еслибы оставалась какая-нибудь надежда избыть смерти. Не разъ, безъ сомнѣнія, онъ слыхалъ и о Мессіи, ожидаемомъ избавителѣ рода его отъ всѣхъ бѣдъ, великомъ пророкѣ, чудотворцѣ и можетъ быть царѣ. Вдругъ, въ послѣднія минуты своей жизни, онъ слышитъ завѣтное имя это, относимое, такъ или иначе, къ живому лицу, и притомъ къ такому же, какъ онъ, осужденнику на смерть! Чѣмъ все это должно было отозваться въ загрубѣлой душѣ его? Окончательнымъ разубѣжденіемъ во всемъ вѣруемомъ и—по привычкѣ—презрѣніемъ ко всему. Необузданный языкъ поспѣшилъ высказать это. *Аще Ты еси Христосъ (Мессія), спаси себе и наю..*, говоритъ онъ и безъ того преозлобленному единоплеменнику своему, безъ сомнѣнія принятому имъ за самозванца. Будемъ впрочемъ справедливы. Въ томъ, что онъ отнесся съ сомнѣніемъ къ достоинству распятаго съ нимъ, какъ Мессіи, нѣтъ повода обвинить его, зная, чего всѣ ожидали отъ Мессіи. Затѣмъ, еслибы онъ заговорилъ о *спасеніи*, т.-е. о избавленіи отъ смертной казни, только себя и—пожалуй—еще своего товарища, опять словъ его, терзаемаго мукою и безнадежностію, можнобъ было не судить строго. Но онъ выдалъ свою злонамѣренность тѣмъ, что безъ права и безъ нужды сказалъ: *аще Ты еси Христосъ, спаси себѣ*... Какое дѣло было ему до состоянія и душевнаго расположенія другаго, совершенно ему чужаго, человѣка? Такъ понялъ его и его общникъ по дѣламъ беззаконія и по горькой участи, слѣдовавшей за ними. *Ни ли ты боишися Бога?* кротко замѣчаетъ онъ безсердечному товарищу, *яко въ томъже осужденъ еси.* Снова будемъ справедливы. Что сказать о подобномъ замѣчаніи?

На сколько оно лучше того, чему служитъ отвѣтомъ? Начать напоминаніемъ о страхѣ Божіемъ, и затѣмъ свести все на то, что участь говорившихъ одна и таже, и что слѣдовательно одному осужденному нельзя судить другаго! Такое умозаключеніе могъ бы кто назвать непослѣдовательнымъ и—въ значеніи отвѣта—слабымъ, но оно такъ близко подходитъ къ евангельскому правилу: *не судите, да не судими будете* (Мат. 7, 1), что, встрѣченное въ устахъ недавняго разбойника, даетъ намъ поводъ предугадывать начавшееся въ душѣ его воздѣйствіе той таинственной, неудержимо и безотчетно влекущей, силы, которую мы именуемъ *благодатію.* «Вѣрный», какъ зоветъ его пѣснь церковная, разбойникъ продолжаетъ богословствовать: *и мы убо вправду по дѣломъ нашимъ воспріемлева, сей же ни единаго зла сотвори.* Видите ли, какъ, помимо всѣхъ справокъ и разслѣдованій, идетъ быстро впередъ «вѣра» человѣка, обдержимаго новымъ для него чувствомъ! Еще мгновеніе, и онъ уже молитвенно взываетъ къ безпомощно и безнадежно умирающему: *помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіе си* (Лук. 23, 42)! Дорогія и преизлюбленныя христіанствомъ, слова! Съ тѣхъ поръ, какъ они произнесены были здѣсь, они стали какъ-бы девизомъ нашей св. Вѣры, нашимъ якоремъ спасенія въ плаваніи по морю жизни и науки, нашимъ знаменемъ въ борьбѣ съ грѣхомъ и его виновникомъ. Въ нихъ все найдешь,—и царствіе Божіе, и вѣчную жизнь, и второе пришествіе, и силу молитвы, и нужду поминовенія... весь катихизисъ! Кто всему этому научилъ простеца и невѣжду и можетъ быть долголѣтняго злотворца? Тотъ Духъ, который, по обѣщанію Господнему, долженъ *научить всему* (Іоан. 14, 26) вѣрующихъ. *Днесь со мною будеши въ рай* (Лук. 23, 43), отвѣтилъ первому всельнику христіанскаго неба, отходящій отъ земли, властитель (Мат. 28, 18) его. Еще мало, и оба говорившіе смолкли навсегда. Какъ отнесся къ такому нежданному исходу бесѣды крестной, начавшій ее, первый разбойникъ? Евангеліе умалчиваетъ.

Вотъ все, чѣмъ заявили себя изучаемыя нами лица, занесенныя въ «памяти» сего св. мѣста и всего христіанскаго міра! *Мѣрило праведное, посреди двою разбойнику* поставленное, одного изъ нихъ *познаніемъ богословія* возвело въ рай, другаго — *тяготою хуленія* низвело до ада, какъ воспѣваетъ св. Церковь. Христолюбивые слушатели! Такимъ же мѣриломъ крестъ Христовъ простоялъ уже столько вѣковъ, и стоитъ доселѣ, — не въ похвалу намъ вѣрующимъ, какъ будто и доселѣ у него должны оставаться стороны десная и шуяя,—вѣрующіе и невѣрующіе! Необходимо признаться, что, освѣщенные Евангельскою исторіею, два разбойника не принадлежатъ исключительно ни мѣсту ни времени, которыя ихъ видѣли. Ихъ мы найдемъ и ближе и дальше, и раньше и позже, и въ одиночку и милліонами, и на крестахъ и въ крестахъ, и распятыми и распинающими, и открытыми хулителями Христа и только «непредзанятыми» истолкователями Его, и даже будтобы прямыми защитниками Его отъ... наговоровъ на него Апостольской и Вселенской вѣры! Ихъ также, какъ и шуіяго разбойника, блазнитъ истощаніе Божества на крестѣ, а затѣмъ—и самаго креста на землѣ. Имъ не нужно, какъ тому, обращаться къ Распятому съ запросомъ: *аще Ты еси Христосъ* и пр. Будь Онъ Христосъ, или не будь, имъ все равно. Довольно знать, что Онъ тоже распятый, такой же безпомощный, умиравшій и умершій, какъ и они, чтобы отвратиться отъ Него... куда? Повторимъ: имъ все равно, и еще лучше, если никуда! Они не говорятъ, какъ говорили Апостолы своему Учителю, вѣщавшему невмѣстимыя для ума вещи: *Господи! къ кому идемъ? Глаголы живота вѣчнаго имаши* (Іоан. 6, 68). Отъ «жизни вѣчной» они отвращаются какъ отъ игрушки дѣтской. Ихъ *часть съ невѣрными* (Лук. 12, 46) по слову Христову, но не съ тѣми невѣрующими, которые, отрицая одно, ставятъ на его мѣсто нѣчто другое. У нихъ въ виду не нѣчто, а ничто! Мы не боимся укора, что обижаемъ ничтоисповѣдниковъ нашего времени, приравнивая ихъ къ Гол-

голгоѳскимъ разбойникамъ. Они даже превзошли тѣхъ своею послѣдовательностію въ дѣйствіи, разбивая и разрушая духовный строй жизни безъ всякой пользы для себя. Даже нельзя сказать, чтобы этимъ доставлялось имъ сознаніе силы, свободы, успѣха и затѣмъ душевнаго довольства. Нѣтъ, они, какъ и Голгоѳскіе хулители, чувствуютъ себя тоже какъбы распятыми, насилуемыми, страдающими. Мало сего. Вмѣсто естественнаго ничтомыслителямъ, равнодушія и презрительнаго возвышенія надъ всѣмъ, наши «шуіи» высказываютъ въ себѣ непреклонное ожесточеніе, озлобленіе на все, и яростное преслѣдованіе всего, что укрывается хотя подъ какое-нибудь знамя вѣры, обѣщающей покой человѣку. Печальные, столько учащенные въ наше время, примѣры безпричиннаго наложенія на себя рукъ людей безъ вѣры, говорятъ еще о большемъ, чѣмъ у разбойниковъ, неумін: ожесточеніи на самое бытіе. Далеко отсталъ отъ такихъ самозванныхъ крестоносцевъ Голгоѳскій хулитель, и умирая все еще жаждавшій жизни!

Братія-христолюбцы! Не уйдемъ съ сего «ужаснаго», но вмѣстѣ и блажащаго, мѣста неутѣшенные. *Идѣже умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать* (Рим. 5, 20), по слову Апостольскому. Рядомъ съ разбойникомъ хульникомъ висѣлъ тутъ разбойникъ «благоразумный», вдругъ, можетъ быть нежданно для самого себя проникшійся живѣйшею вѣрою во Христа Спасителя. Возмемъ это за урокъ себѣ, въ виду умножающагося безвѣрія. Вѣра есть *даръ Божій* (Еф. 2, 8), по ученію Евангельскому. Да будетъ присно въ памяти у насъ слово Господне: *никтоже можетъ пріити ко Мнѣ, аще не Отецъ, пославый Мя, привлечетъ его* (Іоан. 6, 44). Отецъ сей, Отецъ всей твари, оставившій Единороднаго своего на крестѣ безпомощнымъ, обеславленнымъ, въ тоже время привлекъ къ Нему разбойника. Человѣчески судя и говоря, еще легче Ему дѣлать это теперь, когда крестное таинство не начинается только, какъ тогда, а уже выдержало напоръ 18-ти вѣковъ. Чуткое (но не мѣткое) къ зову души, язычество

на тысячи ладовъ выдумывало заманчивыя, но обманчивыя, божества въ человѣческомъ образѣ. Христіанство дало землѣ *Богочеловѣка*, дѣйствительнаго, исторически засвидѣтельствованнаго, и доселѣ свидѣтельствуемаго. Его ли— наше безцѣнное, наше всежеланное сокровище — намъ промѣнять на—*ничто*? Да не будетъ! Къ намъ, бр., глаголемымъ пастырямъ и учителямъ, послѣдній завѣтъ многознаменательнаго *Лобнаго* мѣста: да не будетъ, конечно; пусть только мы не лѣнимся говорить кротко и сердечно ничтожелюбцу: *ни ли ты боишися Бога?* А чтобы слово наше было сильно и убѣдительно, покажемъ, что мы первые... боимся Бога! Аминь.

А. А.

(Изъ Іюньской книжки Душепол. Чтенія 1884 года).

Печатать позволяется. Москва, Мая 20 дня 1884 года.
Цензоръ протоіерей *С. Зерновъ*.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

14